

Ночь выдалась на редкость душной, особенно эта, — даже подняв голову, нельзя было разглядеть на небе ни единой звезды. На отрезке пути длиной всего в несколько сотен метров Цинь Юй покрылся липким потом с головы до ног.

Он сам по себе тяжело переносил жару, и хотя теперь ему досталось чужое тело, избавиться от этой психологической особенности было невозможно.

Лишившись затуманенного алкоголем рассудка, Цинь Юй полностью пришел в себя. Он шел быстро и торопливо, смертельно боясь, что Цинь Янь догонит его и отомстит за те болтливые слова.

Капелька пота скатилась со лба прямо в глаз под ресницами.

Ощув жжение, он отчаянно замигал и принялся тереть глаза рукой.

Убедившись, что резь в глазах утихла, Цинь Юй вновь ускорил шаг.

Поднявшись на лифте, он прижался ухом к двери и послушал некоторое время: ни шагов, ни звука двинувшегося лифта слышно не было.

Только тогда он облегченно выдохнул и ловко отправился принимать горячий душ. Спустя несколько минут Цинь Юй вышел, завернувшись в банное полотенце, обнажив большую полосу бледной кожи.

Как ни странно, это тощее и сухопарое тело Се Сяо вовсе не казалось исхудалым без одежды — напротив, в нем чувствовалась собранная и мягкая крепость.

Поджарая грудь и потрясающая линия пресса вызывали самую настоящую зависть. Верно всё та же истина: богачи умеют за собой ухаживать, не то что он раньше под солнцем и ветром. Хотя до того, как устроиться на сидячую работу, он горбатился на тяжелой физической работе и обзавелся крепкими мускулами, но и загорел до черноты.

Прошло немало лет, прежде чем кожа снова хоть немного посветлела.

Четкой грани между уродством и красотой он не проводил, но эстетический вкус самого Цинь Юя был весьма заурядным. Он считал, что именно его телосложение — это предел мечтаний любого нормального мужчины, из-за чего, всякий раз видя Цинь Му, ему так и хотелось целыми днями вытаскивать того на солнце побольше загорать.

В ответ же он неизменно получал лишь равнодушный взгляд этого паршивца и леденящие кровь слова: Цинь Юй, тебе заняться нечем?

Цинь Юй понимал, что у шестнадцати-семнадцатилетнего подростка учеба отнимает все время, поэтому, помаявшись пару дней между желанием полюбоваться на племянника и собственным душевным успокоением, он в конце концов выбрал второе.

Ладно, сколько ни думай, толку не будет.

Отворив панорамное окно, Цинь Юй не успел и пару раз глубоко вдохнуть, как в дверь постучали.

Цинь Юй обернулся и взглянул на экран монитора: Цинь Янь с мрачным выражением лица пялился прямо в глазок камеры. Их взгляды встретились, и в тот же миг у Цинь Юя от ужаса зашевелились волосы на теле, а по спине побежал холодный пот.

Мастерство этого прилипалы, от которого невозможно избавиться, поистине достигло вершины.

Цинь Юй не удостоил его ответа и направился прочь.

Стук в дверь продолжался: удар за ударом, от этого звука на душе становилось тревожно и тошно.

В квартире, которая по идее должна была отлично звукоизолироваться, — то ли из-за того, насколько отвратителен был стоявший за дверью человек, то ли из-за того, что защита внезапно исчезла, — шум просачивался сквозь плотно закрытую дверную щель и бесконечно усиливался.

Это просто выводило из себя.

Цинь Юй зажал уши и свернулся калачиком на диване, мысленно костеря предков Ци Яня до седьмого колена, пока шум наконец не стих.

В комнате воцарилась тишина, и Цинь Юй с облегчением выдохнул.

Но тут послышался новый звук: шуршание, щелканье и стук.

Сопровождаемый скрипом поворачивающейся ручки, Цинь Юй в тот же миг подскочил как ошпаренный.

— Какого чёрта, быть не может!

Лицо Ци Яня, способное вывести из себя любого, под яростный вопль Цинь Юя внезапно возникло перед глазами.

Цинь Юй не мог поверить своим глазам.

Это же его новый замок! Новый замок!

Если бы он не видел собственными глазами, как мастер меняет замок, он бы и вправду подумал, что у него галлюцинации.

Или же правдоподобнее звучит то, что мастер по замкам уснул прямо в процессе работы?

— Какого чёрта ты сюда заперся? — спросил Цинь Юй, видя, как тот нагло распахнул дверь, зашел, захлопнул её и повернул замок на один плавный вздох.

Словно перед лицом смертельной опасности, он поднял руки в защитном жесте.

Взгляд Ци Яня в ту же секунду приковался к его лицу, а затем опустился ниже.

Этот леденящий душу взгляд полоснул по обнаженному торсу Цинь Юя, не оставив живого места, и в голосе прозвучало нескрываемое раздражение:

— Ты почему так вырядился? А если бы к тебе кто-нибудь пришел?

Услышав этот совершенно неуместный вопрос, Цинь Юй сплюнул:

— Кто ко мне припрется среди ночи?! Я тебя спрашиваю, какого чёрта ты сюда заперся?!

— То, что ты умом не вышел, еще не значит, что я такой же, — Ци Янь звякнул связкой ключей в руке и добавил: — Обнаружив, что замок сменили, я смог через камеры найти мастера и забрать у него ключи. Тонкие алые губы то открывались, то закрывались, и в голосе звучала насмешка:

— Каков молодец, что же ты тогда дверь не сменил?

— Хех, думаешь, я не посмею? — холодно фыркнул Цинь Юй.

И подумать только: он здесь хозяин квартиры, а его вот так запросто взяли и продали!

У этого мастера совсем нет чувства безопасности, в следующий раз обязательно оставлю ему плохой отзыв.

— Ладно, если тебе не лень, буду взламывать новую каждый раз, как ты её поставишь.

Яркий свет падал на жуткое лицо Цинь Яня, уголки его губ приподнялись, но в улыбке не было и следа тепла.

Хотя в нём и угадывалась отрешенная от мира красота, слова звучали донельзя нелепо и вызывали смех.

Цинь Юй сам не понимая почему, вдруг растерял весь боевой настрой. От порыва теплого ветра, залетевшего в приоткрытое окно, его вдруг прошибла дрожь, будто по телу пробежал электрический разряд.

Он быстрыми шагами вернулся к дивану, подхватил тонкое одеяло, укутался в него и повернулся к Цинь Яню спиной.

В таком мире и с такими настройками для мужчины грешно одеваться слишком легко, если у него нет права голоса — обязательно найдутся те, кто станет тыкать в него пальцем.

Он смертельно устал и совершенно не хотел спорить.

— Делай что хочешь, взламывай хоть до посинения, лишь бы отдыху и работе не мешал, ладно?

— Хех...

Цинь Янь так и остался стоять на месте, но неведомо какая муха его укусила — улыбался он просто жутко.

Спустя долгое время он заговорил:

— Я подписал твое заявление об уходе? Какая компания осмелится взять тебя без меня?

— Вот как? Не утруждайте себя заботой, новое место давно найдено, — Цинь Юй водил пальцем по экрану телефона, даже не поднимая век.

— Это Цзян Линь, верно?

Замерший носок ботинка Цинь Юя качнулся, и он ошеломленно выдал:

— Ха?

— Новое место, которое ты нашел — это Цзян Линь, да? Я и правда потерял бдительность. Стоило сообразить: с тех пор, как ты встретил его два месяца назад, тебе не дано покоя.

— Да ты сдурел!

— Я сдурел? Это ты зашел слишком далеко или я сдурел? Се Сяо, разве я плохо относился к тебе с самого детства? Ладно бы ты в последнее время то и дело выказывал скрытое сопротивление, ладно бы я терпел, когда ты в открытую срывал на мне злость... Но сейчас? Я ведь ничегошеньки не сделал, почему ты хочешь уйти от меня? С какой стати...

Каждое слово он цедил сквозь зубы, глухо рыча.

В его голосе слышались надлом и невыплаканные рыдания, отчего брезгливое выражение на лице Цинь Юя мгновенно испарилось.

Он слегка остолбенел, в то же время чувствуя подступающую панику.

Выходит, его перемены за последние несколько месяцев всё же были слишком заметны. Впрочем, к счастью, Цинь Янь подозревал лишь его перепады настроения да то, что это был внезапный срыв после долгого подавления эмоций.

Подумав об этом, он с облегчением выдохнул и осторожно повернул голову — и в следующую секунду чуть не расстался с душой.

Столкнувшись взглядом с этими алыми глазами, Цинь Юй мысленно выругался черт побери, а затем растерянно протянул:

— А?

Этот молодой господин, который по идее должен был выглядеть свирепым демоном, сейчас покраснел вокруг глаз, в их глубоких впадинах блестели слезы, но при этом он до боли сжимал челюсти — упрямо и крайне нелепо.

Обида, печаль и занимающая большую часть спектра... ярость.

— Да чтоб тебя, прекрати эти психологические атаки!

У Цинь Юя потемнело в глазах, казалось, завтрашнего солнца он уже не увидит.

Влиятельный бизнесмен со слезами обиды на глазах прямо перед ним — что делать? Броситься утешать? Снова разозлиться и дать ему пинка? Или сделать вид, что ничего не замечает?

Только вот...

Если действительно полезть к нему, а потом Цинь Янь вспомнит об этом и испытает стыд со

злости, его ведь наверняка прикончат как свидетеля...

А дать пинка в порыве гнева и вовсе нереально — так и помереть на месте недолго.

По правде говоря, в последний раз он доводил кого-то до слёз еще в начальной школе, да и то была девчонка. А вот парня вроде Цинь Яня — властного, влиятельного и при этом старше его самого — он видел впервые в жизни.

Свидетели небеса, Цинь Юй прожил уже добрую половину жизни, и подобного опыта у него действительно не было.

Подумав так и эдак, хорошие манера взяли верх над накатывающим раздражением.

Он сухо произнес:

— Послушай, братец, про сдурел — это была шутка, я вовсе не пытаюсь тебя задеть.

Увидев, что тот по-прежнему вытягивает шею и остается глух к его словам, Цинь Юй терпеливо и мягко убеждал, понизив голос:

— Ци Янь, раз уж ты теперь знаешь истинную мою сущность и что я больше не тот прежний Се Сяо, который ничего не требовал, ты должен успокоиться. К тому же человек, которого ты любишь, вернулся, и если я буду назойливо отираться рядом с тобой, это будет нечестно по отношению к нему. Ты ведь у всех на слуху как баловень судьбы, не можешь же ты заработать дурную славу того, кто сидит на двух стульях, верно?

Тон его был мягким и терпеливым — Цинь Юй пустил в ход тот же трюк, которым обычно ублажал Цинь Му.

Надо признать, это действительно сработало.

Ци Янь больше не произнес ни слова, ярость в глубине его глаз постепенно улеглась, становясь всё тише и ровнее, словно гладь застывшего водоема.

Глубоко посаженные глаза, когда он злился, казались способными сожрать человека, но стоило им успокоиться, как от взгляда веяло жутковатым холодом.

Однако всё шло по плану Цинь Юя.

Уголки его губ еще не успели приподняться, как стоявший у входа и находившийся на некотором расстоянии мужчина вдруг широкими шагами бросился к нему.

Шаги были тяжелыми и порывистыми. Обойдя диван сзади и встретившись с ошеломленным взглядом Цинь Юя, мужчина вцепился большими ручищами ему в горло.

Голова откинулась назад, хватка на подбородке причиняла острую боль, и Цинь Юй только собрался выругаться, как Ци Янь подался вперед.

— М-м...

Теплые, прохладные губы яростно впились в его рот. Напор был таким сильным, что Цинь Юю показалось, будто у него сейчас сломается носовая кость, а волна боли накрыла с головой.

Но его тело наполовину утопало в диване, и у него не оставалось ни малейших сил сопротивляться.

Ци Янь нагнулся, а другой рукой подхватил его за затылок, притягивая так, чтобы их губы плотно и без зазора соприкасались.

Цинь Юй даже не смел моргнуть: он видел лишь то, как мужчина ожесточенно целует его, не разнимая хмурых бровей. Ярость заполняла разум Ци Яня, лишая его возможности сопротивляться.

Тяжело сжав зубы, Ци Янь прикусил его нижнюю губу. Капелька крови выступила на поверхности, смешавшись со слюной, и брызнула на кончик языка, отдавая солоноватым привкусом.

Губы были растерзаны, расцвел вкус крови, сопровождаемый жгучей болью — Цинь Юй мысленно проклинал предков Ци Яня до седьмого колена.

Пусть этот поцелуй и не вызывал такого удушья, как первый, внезапная темнота в глазах от накатившей слабости была вполне реальной.

Сдерживая гнев, он изо всех сил попытался оттолкнуть его, но смог лишь самую малость сместить губы.

— Какого черта ты творишь, совсем сдурел? Я тут душу выворачиваю, чтобы тебя вразумить, а ты нападаешь исподтишка? Называть тебя психом — это еще мягко сказано!

Получив крошечную передышку, Цинь Юй не поскупился на ругань.

Ци Янь не отвечал, лишь неотрывно смотрел на него, а руки тем временем сжимались всё сильнее.

— На папашу своего пялишься? Убираешься ты или нет? — у Цинь Юя в груди застрял тяжелый ком, не давая ни вздохнуть, ни выдохнуть, — аж в горле пересохло.

Ци Янь по-прежнему стоял согнувшись, и по его лицу невозможно было прочесть эмоции. Перед его глазами было лишь то самое лицо: ивовые глаза рассерженно вытаращены, настолько чужие, что Ци Янь боялся упустить их из виду или не удержать.

Мгновение спустя Ци Янь опустил голову, прикинув к плечу Цинь Юя, и глухо произнес:

— Не уйду.

Се Сяо изменился. Если он перестанет назойливо крутиться рядом, значит, разлюбил и хочет отдалиться.

Всё не так, как раньше, и ему это не нравится. Он не согласен.

Уж лучше бы Цинь Юй предъявлял к нему завышенные требования — тогда не казалось бы, что он умеет только брать, ничего не давая взамен.

Он ведь вовсе не... такой подонок.

Голос звучал очень тихо, Цинь Юй едва расслышал.

Из-за того, с каким странным, зловещим надрывом Ци Янь произнес эти слова, Цинь Юю захотелось прочистить уши, но свободных рук не было, поэтому он лишь ошеломленно переспросил:

— Чего тебе?!

Большая часть тела Ци Яня навалилась сверху, от тяжести в груди стало тесно и трудно дышать, а крепкие мускулистые руки яростно заключили его в объятия.

Цинь Юя сдавило так, что заныла поясница, в ребра больно впивалось чужое тело.

Обжигающее дыхание опалило ухо Цинь Юя, и от этого пробирающего до мурашек голоса прозвучало:

— Я не уйду. Се Сяо, тебе нельзя меня прогонять...

Такой жалобный тон, перед которым невозможно устоять.

Цинь Юй признавал: его сердце на секунду зашло в бешеном ритме. Сейчас Ци Янь походил на дикого зверя, которого невозможно приручить, — только что он буйствовал, крушил всё вокруг и остервенело кусался.

Но теперь он спрятал когти, сточил острые зубы и покорно припал к чужим ногам.

И пусть секунду назад Цинь Юй люто ненавидел его и был готов пинком запустить куда подальше, сейчас он испытывал самое настоящее, неподдельное возбуждение. То невесть откуда взявшееся чувство гордости достигло почти что пика.

Ощущая равномерное дыхание другого человека у себя на груди — то поднимающейся, то опускающейся, — Цинь Юй обладал неплохой способностью к эмпатии и прекрасно понимал всю беззащитность, испытываемую сейчас Ци Янем.

Боязнь быть брошенным, страх оказаться нелюбимым.

Все эти признаки были свойственны юному Цинь Му.

Будучи старшим братом, Цинь Юй не мог заставить Цинь Му избавиться от заложенных в самом его нутре тревоги и робости, поэтому мог лишь изо всех сил согреть его, облегчая его душевную боль.

То же самое касалось и Ци Яня в этот момент.

Он не мог оставаться в стороне, когда раненый ребёнок в одиночку зализывает свои раны, и дал себе зарок, что, встретив такого ребёнка, непременно утешит его и направит.

Как и сейчас.

Подобно какому-нибудь старому отцу, Цинь Юй одной рукой огладил спину Ци Яня, а другую положил ему на макушку, мягко и плавно проводя по волосам, безмолвно утешая.

Прошло много времени — настолько много, что Цинь Юй, казалось, и сам почти очистился от всех тревог, — прежде чем тот человек наконец шевельнулся.

Но всё же...

Добрых людей всегда норовят обидеть... Ци Янь снова полез целоваться и на глазах у потрясённого Цинь Юя принялся дергать за край полотенца, державшегося на его талии на честном слове.

— Эй-эй-эй? Ты чего творишь! — резко прикрикнул Цинь Юй.

В этот миг Ци Янь снова прикинулся глухим: пропустил слова мимо ушей, но рук не остановил.

В возникшей возне Цинь Юй почувствовал, как банное полотенце соскользнуло, и его целиком оторвали от пола.

Не успев даже прикрыться, Ци Янь выпрямился, притянул его к себе и подхватил на руки.

Нельзя сказать, что между ними была огромная разница в силе, но Цинь Юй, и без того рисковавшая выставить напоказ всё лишнее, в своём голом виде попросту не смел шевельнуться.

— Ублюдок, твою мать, отпусти меня! Говорю тебе, насилие — это преступление, сделаешь еще хоть шаг — я и после смерти от тебя не отстану!

— Ты слышишь меня или нет?! Твою мать, я полицию вызову!

Путь из гостиной в спальню составлял всего несколько десятков метров, но Ци Янь умудрился растянуть его на долгие шаги. Цинь Юй метался как угорелый на раскаленной сковороде, сгорая от паники. Но перед ним этот тупица продолжал идти своей дорогой, не издавая ни звука. Как бы ядовито ни ругался Цинь Юй, это было всё равно что бить кулаком по вате — никакого вреда.

Лин Линсань, вызови полицию!

Прости, Хозяин, у Системы нет такой функции...

Блять! Нету — так заставь своего слабоумного Главного Бога её разработать! Почему в критический момент никто не защищает интересы Хозяина? Да пошли вы все, один другого тупее, я просто в ауте!

Цинь Юй распалился и нёс полную чушь. После того как Лин Линсань некоторое время молча выслушивал его ругань, он наконец произвел: Понял, Хозяин, я доложу навёрх.

Не имея времени возиться с Лин Линсань, Цинь Юй был брошен на кровать.

Под щелчок выключателя загорелась потолочная люстра, и, прежде чем Ци Янь успел нависнуть над ним, Цинь Юй кубарем скатился на другой стороне кровати на пол.

Се Сяо, прекрати баловаться. Послушай, иди сюда.

Слова, сорвавшиеся с губ, прозвучали на редкость хрипло и соблазнительно.

Но для самого Цинь Юй это было сродни немому, который учится говорить —

резко, фальшиво и отвратительно.

Двуспальная кровать была большой. На прикроватной тумбочке в беспорядке валялось множество вещей: кусачки для ногтей, шелуха от семечек, салфетки и всякая разная мелочь.

Он огляделся по сторонам, и в тот момент, когда Ци Янь обошел кровать и сделал шаг, Цинь Юй торопливо схватил те самые кусачки для ногтей и резким окриком заставил его отступить.

Баловаться он тут удумал, хрен тебе, а не послушать! Подойдешь еще хоть раз, и я этой штукой... расцарапаю твою красивую мордашку!

Сообразив, насколько ничтожен урон от кусачек для ногтей, Цинь Юй смущенно сбавил тон на несколько порядков.

...

Долгое молчание.

Наконец Ци Янь вздохнул и бросил: Забудь...

У Цинь Юя отлегло от сердца, и на лице расцвела радость: Вот бы у тебя всегда было такое понимание, я... бя!

Однако, воспользовавшись тем, что Цинь Юй ослабил бдительность, Ци Янь сделал шаг вперед, согнулся в три погибели и, протянув длинную руку с другой стороны, втащил его обратно, намертво прижав к кровати так, что тот не мог даже шевельнуться.